

А.Г.АЛЕКСАХА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН. ПРОГРЕССОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ (ПРОДОВЖЕННЯ)

6.3. Украинская степь с начала нашей эры до V в. н. э.

На опустевших после ухода зарубинцев землях начинают селиться сарматы, которые как раз в это время переходят к оседлости. При этом характер погребального обряда сарматов меняется: вместо курганных погребений вооруженных воинов тут найдены грунтовые захоронения мужчин и женщин с бедным инвентарем, относящиеся к I – середине II вв. н. э. [Покровська, Ковпаненко, с.129-142], что свидетельствует о дестратификации общества. Оседание сарматов на землю в это же время имело место и в других районах Правобережья.

Таким образом, переходу сарматов к оседлости предшествовал период заселения ими причерноморских степей после ухода отсюда скифов: III – начало I вв. до н. э. Этот период характеризуется относительно мирным сосуществованием с оседлым населением, что соответствует низкому критическому коэффициенту. Далее следует период разгрома сарматами скифских укрепленных поселений на Нижнем Днепре [Шукин 1970, с.54-67] и нападений на зарубинецкие городища (I в. до н. э. – начало II в. н. э.), что соответствует наполнению резервуара. Дальнейший рост населения вызвал массовое оседание сарматов на землю, которое началось, видимо, с начала II в. н. э.

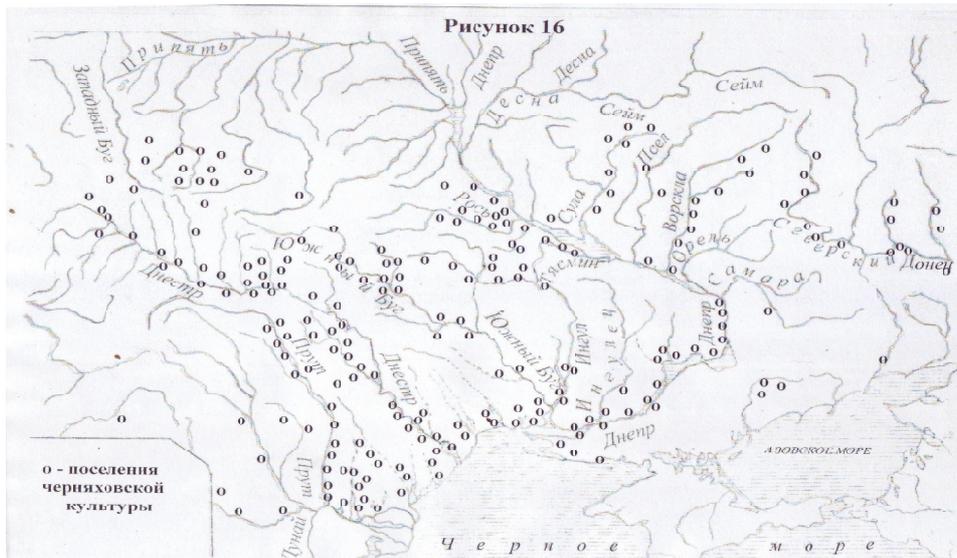
Именно с этим периодом связано формирование черняховской культуры. Начало черняховской культуры датируется концом II в. н. э. Ареал черняховской культуры включает в себя правобережную

лесостепь до верховьев Западного Буга, северо-западные районы побережья Черного моря, Молдавию, Среднее и Верхнее Поднестровье. Черняховские памятники есть также в левобережной лесостепи и в Румынии. Всего известно около 4000 памятников этой культуры [Археология УССР, т.3, с.7]. Очевидно, что поселения черняховской культуры концентрируются главным образом в Лесостепи. Исключение составляет Северо-Западное Причерноморье, где поселения расположены по берегам лиманов, небольших рек и даже балок. Кроме того, довольно многочисленные поселения обнаружены в долине Нижнего Днепра, там, где раньше существовали скифские городища. Центральная, степная часть ареала черняховской культуры археологически пуста.

В ареал черняховской культуры вошли очень разнородные территории, на которых раньше существовали различные культуры. Эта разнородность хорошо отслеживается археологически. На степном юге население строило в основном наземные каменные или глиняные на каменном основании дома, тут преобладал обряд труположения. В юго-западной части ареала, в междуречье Днепра, Прута и Дуная население строило наземные глинобитные дома и хоронило умерших также по обряду труположения, в то время как в правобережной лесостепи жилища были в большинстве случаев заглубленные в землю и преобладал обряд трупосожжения. Кроме этих основных типов, существовали еще многочисленные подтипы. Например, погребальный обряд

труположения имел много вариантов: могильные ямы могли быть с подбоями, то есть с нишами в стене, где и хоронили покойников, с заплечиками, то есть с вырезанными в грунте пазами для деревянного перекрытия могилы, и т. д. Обряд трупосожжения также мог быть с захоронением праха в ямах и урнах, инвентарь мог быть сожжен вместе с покойником, а мог быть без следов огня и т. д. Все эти варианты, так же, как и особенности изготовления лепной посуды, позволяют увидеть среди населения черняховской культуры представителей предшествующих культур, которые жили тут раньше или мигрировали на территорию черняховской культуры.

ареал черняховской культуры сохраняло особенности домостроения, погребального обряда, керамического производства, присущие более ранним культурам. Однако изо всех компонентов сложения ареала черняховской культуры только население степей присутствует во всех районах ее распространения. Археологи обнаружили захоронения сарматов и в Среднем Поднепровье, и в верховьях Днестра, в Молдавии и Румынии. Исследования черняховских могильников в Верхнем Поднепровье показало, что, хотя и ранее тут имели место как труположения, так и трупосожжения, обнаружены могильники, состоящие практически только из труположений, что характерно для

Что же, при таком количестве различий, объединяло представителей различных этносов в одну культуру? Как уже отмечалось выше, черняховская культура включала в себя лесостепные районы, которые ранее были заселены носителями целого ряда культур, а также обширный степной район на правобережье и левобережье Днестра, ранее заселенный кочевниками-сарматами. Население этих районов после вхождения в

Рисунок 16 степи. Например, в Северном Прикарпатье обнаружен могильник, содержащий захоронения по обряду, аналогичному тому, который бытовал у сарматов [Смішко 1962, с.54-70]. Кроме того, на Верхнем Поднепровье на всех раскопанных могильниках найдены отдельные захоронения с подогнутыми в коленях ногами, с деформированными

черепами, отдельные захоронения имели кости барана, угольки. Все это свидетельствует о сарматских чертах в погребальном ритуале, неоднократно отмеченных исследователями в разных районах распространения черняховской культуры [Кухаренко 1959, с.114-120; Рикман, с.317-323; Седов 1978, с.39-107].

Точно также наземные глинобитные дома, характерные для Степи, появляются там, где ранее строились практически только углубленные жилища. На поселениях культур Лесостепи явно преобладают заглубленные жилища, хотя встречаются и наземные. Заглубленные жилища продолжали преобладать на этой же территории и тогда, когда тут распространилась черняховская культура. Вместе с тем на лесостепной территории черняховской культуры выделяется ряд поселений, в частности, на южной Вольни, в междуречье Днестра, Прута и Дуная с преимущественно или исключительно наземными жилищами, что также характерно для Степи. В Полесье, где ранее были только заглубленные в землю жилища, начинают преобладать наземные. Кроме того, в это время в Лесостепи появляется характерная для сарматов керамика [Баран 1981, с.82].

Таким образом, очевидно, что сарматы оседали на землю по всему ареалу черняховской культуры в среде лесостепных племен отдельными поселениями, первоначально не смешиваясь с ними. Оседание сарматов на землю было следствием высокой плотности населения в Северном Причерноморье. Можно утверждать, что ко времени возникновения черняховской культуры плотность населения достигла тут своего исторического максимума. Такого количества поселений предшествующие культуры не знали. Это подтверждается также остеологическим материалом. Среди костных остатков, найденных на черняховских поселениях Правобережья, только 3,5% составляли кости диких животных [Магомедов 1987, с.29-37].

По районам черняховского ареала процент костей диких животных примерно одинаков. На протяжении всей истории Восточной Европы такой низкий уровень охоты не зафиксирован вплоть до позднего Средневековья [Цалкин, с.69]. Приближались к нему только оседлые скифы и античные общества Северного Причерноморья [Магомедов 1977, с.84-89]. Согласно принципу достаточности вытеснение охоты из структуры хозяйственной деятельности происходило только за счет роста плотности населения. Следствием высокой плотности населения была более высокая, чем когда-либо до этого, степень интенсификации хозяйственной деятельности. Черняховские поселения впервые начинают выходить из зоны лесов в степь. Если ранее население в степи селилось главным образом на берегах крупных рек, то черняховские поселения расположены и на небольших речках. Об этом же свидетельствуют и находки наральников.

Еще одной чертой, характеризующей более высокий уровень развития населения черняховской культуры, является распространение гончарной посуды. Ранее гончарная посуда на территории Восточной и Центральной Европы известна в латенской, то есть кельтской, культуре, если, разумеется, не учитывать греческие колонии Причерноморья. Позднее, в самом начале нашей эры, на территории будущей черняховской культуры гончарной посудой пользовались племена липицкой культуры, хотя лепная посуда у них преобладала. Однако только с появлением черняховской культуры начинается массовое распространение гончарной посуды во всем ее ареале. В это же время тут появляются и гончарные горны. Всего на территории Украины и Молдавии черняховские горны выявлены более чем в 30 пунктах. Собственно говоря, именно своеобразная гончарная керамика и стала главным критерием отнесения тех или иных древностей к черняховской культуре.

Чрезвычайно интересно то, что археологи пришли к выводу, что в разных местах распространения черняховской культуры лепная керамика в значительных количествах найдена только на тех поселениях, где преобладали заглубленные жилища. На поселениях с наземными жилищами ее либо совсем нет, либо доля ее очень мала [Баран 1981, с.76]. Этот факт подтверждает высказанное выше мнение, что именно сарматы были носителями главных черт черняховской культуры, потому что, как я уже отмечал выше, наземные постройки были привнесены в Лесостепь главным образом сарматами. Кроме сарматов, наземные дома строили готы, это так называемые “длинные дома”, но они характерны главным образом для Степи, где традиция возводить такие дома дожила до нашего времени. Археологи полагают, что наиболее характерный элемент черняховской культуры – гончарная сероглиняная керамика, во всяком случае, большинство ее типов – связана своим происхождением с античными центрами Северного Причерноморья, где гончарная керамика с аналогичным набором форм известна уже с I в. н. э. [Магомедов 1977, с.120]. Кроме того, наиболее ранние памятники черняховской культуры также относятся к Северо-Западному Причерноморью. Если в остальных районах ранняя дата черняховской культуры относится к концу II – началу III вв. н. э., то в Северо-Западном Причерноморье наиболее ранние находки черняховских памятников можно отнести к I-II вв. н. э. [Баран 1981, с.87].

Эти факты позволяют сделать вывод, что первоначальные центры черняховской культуры находились в Северо-Западном Причерноморье. Население же этого района ранее составляли скифы, бежавшие сюда с Нижнего Днепра после разгрома их поселений сарматами, а затем и сами сарматы, которые вскоре после этого начали массово оседать здесь на землю [Магомедов 1987, с.92]. Отсюда черняховская культура

распространилась по всему своему ареалу, и сделать это могли только сарматы. В настоящее время многие специалисты полагают, что наибольшее распространение в черняховской культуре имеют элементы, связанные со скифо-сарматским миром. Они наблюдаются не только в Причерноморье, на Левобережье Днепра и в Молдавии, но и на Правобережье, Верхнем Днестре и Горыни, то есть во всем ареале этой культуры [Баран 1981, с.161; Седов 1979, с.78-100].

Таким образом, именно ираноязычное степное население составило то связующее звено, которое сплотило в единую культуру население ранее этнически и культурно разнородных районов. Приходили ли сарматы на новые места жительства уже носителями сформировавшейся черняховской культуры или усваивали нововведения за счет связей с ее причерноморскими центрами, сказать трудно, но тот факт, что именно сарматы использовали гончарную керамику значительно чаще, чем другие народы, говорит о многом.

Сарматы оседали на землю не там, где ранее обитали, то есть в открытой степи, а там, где это было предпочтительнее для земледелия, то есть в лесных районах и долинах рек. Поскольку эти районы ранее уже были достаточно густо заселены, прирост населения привела к быстрому заполнению резервуаров и дальнейшей интенсификации хозяйства, к переходу к пашенному земледелию на подсеке и в поймах, о чем свидетельствуют находки наральников. Рост плотности населения и уровня развития обусловил более высокий уровень материальной культуры, что реализовалось, в частности, в распространении гончарной посуды. Гончарное производство не требует особенно сложных навыков, как, скажем, металлургия и металлообработка. Но для гончарного производства обязательным является достаточно большой рынок сбыта, то есть накопление значительных масс

населения. Если население слишком редкое, то специализированный труд гончара, вследствие своей слишком высокой производительности, не найдет применения.

Таким образом, можно утверждать, что черняховская культура не могла быть в своей основе славянской, так как основными носителями этой культуры были сарматы – ираноязычное население степей.

6. 4. Лесная зона Центральной Европы и украинская степь с I в. до н. э. по V в. н. э.

В конце II в. до н. э. в Польше на территории, ранее занимаемой подклошевой культурой, появляется пшеворская культура, а на территории поморской складывается вельбарская культура. Исследования польских археологов показали, что пшеворская культура не есть результат развития субстратных культур, то есть поморской и подклошевой, а появилась в Висло-Одерском междуречье на рубеже III-II вв. до н. э. уже в сформировавшемся виде [Козак 1984, с.28]. Важно, что первоначально ареал пшеворской культуры охватывал, кроме междуречья среднего Одера и Варты, бассейна средней и верхней Вислы, еще и земли по средней Эльбе и ее притокам Мульде и Заале. Однако в начале нашей эры пшеворские памятники на Эльбе исчезают, но появляются в Поднестровье и в верховьях Тисы [Седов 1979, с.53]. Пшеворская культура, так же, как и предшествующая ей поморская, испытывала сильное влияние кельтской (лагенской) культуры.

Итак, пшеворская культура появилась на территории Польши во II в. до н. э. Однако на восточных территориях Польши ее памятники относятся к более позднему времени, а на Волынь и в Приднестровье пшеворское население пришло лишь в начале I в. до н. э. Это была первая волна расселения пшеворского населения. Примерно в середине I в. до н. э. часть пшеворского населения Приднестровья покидает свои поселения и начинает

переселение далее на юг и восток, дойдя до Прута и Днестра.

Отметим несколько интересных и важных деталей. С конца II – начала III вв. н. э. по всей территории пшеворской культуры отмечается увеличение доли погребений с оружием [Prahistoria ziem Polskich, s.127-130]. Эта доля составляет примерно 20%, что равно проценту мужчин, способных носить оружие. Кроме того, с середины I в. н. э. на территории Польши и западнее до Эльбы и Ютландии, а также в Южной Скандинавии появляются так называемые княжеские погребения – большие курганы, сложенные из камней. В каждом из них погребен один человек. Инвентарь очень богатый, много импортных римских вещей и драгоценностей [Кухаренко 1969, с.119]. Кроме того, на территории пшеворской культуры в III в. н. э. впервые появляется гончарная керамика [Кухаренко 1969, с.113]. К этому же периоду относится расцвет железоплавильных центров, самый крупный из которых, у Свентокшиских гор, занимал площадь около тысячи квадратных километров и насчитывал сотни железоплавильных печей [Кухаренко 1969, с.109].

Все эти факты свидетельствуют, что на территории Польши критический коэффициент примерно к концу II в. н. э. превысил единицу. Рост напряжения в обществе, как всегда, выразился в эволюции в сторону боеспособности. Возникает институт военных вождей, наделенных большой властью. Эта стратификация общества отражается в погребальном обряде. С конца II – в начале III вв. н. э. напряжение в пшеворском обществе достигает максимума. Каждый мужчина становится воином, и хоронят его теперь с оружием. Вместе с тем заполнение резервуара, что соответствует третьему закону резервуара, сопровождается ускорением экономического развития. Об этом говорит появление гончарной посуды, развитие металлургии и находки наральников. Однако давление в

пшеворском резервуаре превышает давление в соседних резервуарах на юго-востоке. Поэтому, в соответствии с первым законом резервуара, начинаются миграции сперва на восток Польши, а затем на юг – на Волинь, в Приднестровье, то есть тем путем, которым 200-300 лет назад, в конце III – начале II вв. до н. э. прошли предшественники пшеворцев, образовавшие культуру Лукашевки.

Рисунок 17

далее. Небольшая часть пшеворского населения переместилась на восток в бассейн Припяти. Но наибольшее скопление пшеворских памятников выявлено именно в Приднестровье.

Впрочем, вышеприведенные факты вовсе не свидетельствуют о том, что пшеворское население уходило из своего резервуара только юго-восточным путем. Часть населения шла прямо на юг через Моравские ворота. Следствием этого было

Большинство пшеворских объектов конца II – начала III вв. н. э. этого времени археологи находят именно на востоке [Кухаренко 1969, с.59-60], в Мазовии и Подляшье. Памятники Приднестровья еще более поздние, что дает все основания полагать, что население переместилось из Мазовии на юг и юго-восток [Козак 1984, с.46]. Это была вторая волна движения пшеворских племен на юго-восток. Однако, если первая волна первоначально остановилась на территории Приднестровья, то вторая сразу же пошла значительно дальше. Основное направление движения пшеворских племен проходило, очевидно, вдоль Западного Буга в Приднестровье и

заселение пшеворцами Чехии. Об этом свидетельствует то, что с середины III до начала V вв. на территории Чехии в керамике преобладают пшеворские черты [Русанова, с.118]. Возможно также, что именно это движение пшеворцев на юг оставило следы в распределении гаплогруппы II (рис.3) – полосой на юг вплоть до северной Греции.

Движение пшеворцев на юго-восток в Приднестровье хорошо фиксируется археологически, причем интересно, что если для пшеворской культуры в целом характерны групповые многолетние места захоронений, то есть могильники, то южнее Львова, в среднем Приднестровье

обнаружены отдельные захоронения этой культуры. При этом из 18 обнаруженных одиночных погребений на 16 найдено оружие. Большинство этих погребений найдено южнее верхних притоков Днестра и датируется концом II – началом III в. [Козак 1984, с.15]. Эти факты отчетливо рисуют картину событий: в конце II в. н. э. пшеворское население под действием высокого критического коэффициента начинает движение на юг. Причем это движение было настолько быстрым, что могильники не успевали образоваться. В сражениях с местным населением погибали в основном мужчины-воины, чьи одиночные захоронения с оружием и фиксируют археологи. Характерно, что погребения в Приднестровье содержат мечи, которые на погребениях в Польше встречаются очень редко. Следы дальнейшего движения пшеворцев в виде отдельных погребений или их скоплений обнаружены в Закарпатье, в бассейне Прута и Семиградье, то есть в Румынии и Северном Причерноморье.

Как мне кажется, следует отметить интересную особенность захоронений этого периода истории Восточной Европы: погребения с оружием – черта, свойственная только пшеворской культуре. Одновременные сарматские погребения, как в Лесостепи, так и на юге оружия не содержат. Следует задуматься над этой метаморфозой. Потомки кочевников, никогда не расстававшихся с оружием и хоронивших своих вождей в курганах с богатым инвентарем, после того, как перешли к земледелию, стали мирными людьми, перестали почитать вождей: их погребения стали бескурганными и стандартно бедными, без оружия; кроме того, находки оружия на их поселениях чрезвычайно редки. Из четырех тысяч поселений черняховской культуры только три поселения были укрепленными. В то же время пшеворское население, предки которого много веков вели оседлую жизнь, вдруг стало настолько воинственным, что

даже после смерти не расставалось с оружием, и начало так сильно почитать своих вождей, что стало сооружать для них курганы из камней. Складывается впечатление, что сарматы и пшеворцы договорились об обмене традициями. С точки зрения предлагаемой методики, все эти явления вызваны изменениями в величине критического коэффициента – снижением его у сарматов в результате перехода к земледелию и ростом у пшеворского населения в результате роста населения и заполнения резервуара.

Пшеворская культура занимала южную часть Польши, а северную ее часть занимала вельбарская культура. Ранняя фаза вельбарской культуры – вторая половина I – первая половина II вв. н. э. В течение первой фазы вельбарская культура охватывала территорию Среднего и Восточного Поморья, север Великопольши. Эта территория в целом совпадает с территорией более ранней поморской культуры. В конце I в. н. э. наблюдается резкое увеличение количества могильников и появляются курганные захоронения. В инвентаре погребений оружие отсутствует. На второй фазе, со второй половины II в., памятники этой культуры исчезают в Поморье и появляются на восток от Вислы – в Восточном Поморье, Куявии, правобережной Мазовии, Подляшье, а также на части Полесья и Волыни. В инвентаре погребений появляется оружие. Со второй половины III в. погребения становятся стандартными.

Таким образом, после того, как пшеворское население переместилось на восток Польши и в конце II – начале III вв. начало свое движение на юг, начинают мигрировать и вельбарские племена. Они движутся буквально по пятам пшеворских племен [Prahistoria ziem Polskich, s.150-155]. В правобережной Мазовии и на Подляшье до конца II в. бытовали памятники пшеворской культуры, но на грани II и III вв. вельбарские памятники сменяют тут пшеворские. Примерно в это же время

вельбарские памятники появляются на Западной Волыни [Археология УССР, т.3, с.133]. С Волыни вельбарское население двигалось далее на юго-восток. Памятники вельбарской культуры в Южном Побужье датируются первой половиной III в. н. э. [Археология УССР, т.3, с.133]. В Северо-Западном Причерноморье археологам удалось проследить на материалах одного из могильников, что до первой половины III в. н. э. захоронения тут происходили по обряду, принятому у скифов и сарматов. Позднее появляются захоронения по обряду, во многом сходному с принятым у племен пшеворской и вельбарской культур [Магомедов 1979, с.62].

Вследствие миграций носителей пшеворской и вельбарской культур население на территории Польши сильно уменьшилось. Сокращение поселений, вплоть до почти полной депопуляции этих земель, происходило с III по V вв. н. э. [Godlowsky].

Попробуем теперь определить, на каких языках говорило население пшеворской и вельбарской культур. Прежде всего отметим, что археологи нашли в пшеворской культуре множество элементов, характерных для синхронных германских культур Германии и Скандинавии. Это обычай класть в могилу оружие, втыкать острые предметы в захоронения. В могилах пшеворской культуры часто находят кости птиц, что также характерно для германских культур. В Скандинавии этот обычай просуществовал вплоть до Средневековья. Далее, на пшеворской керамике встречается орнаментация, также имеющая аналоги в германских культурах [Седов 1979, с.68-69].

Кроме того, в рассматриваемый период события на территории Германии и Польши привлекали внимание многих античных писателей. Тацит в своем описании Германии подробно, с указанием известных нам географических ориентиров описывает расселение различных племен. Севернее Карпатской горной системы, то есть на территории Польши, Тацит помещает

германцев: “расчлениющихся на различные племена лугиев” [Germ., 43], далее на север живут готы, а за ними на берегу “Океана” (т. е. Балтийского моря. – А.А.) – ругии и лемовии [Germ., 44]. Все эти факты позволяют считать население пшеворской культуры германским, точнее, восточногерманским, от которого сохранились лишь многочисленные племенные названия.

Носителей вельбарской культуры можно уверенно идентифицировать с готами. Для истории готы мы можем привлечь письменные источники, в первую очередь книгу Иордана “О происхождении и деяниях гетов”. Иордан сообщает, что готы приплыли из Скандинавии на южный берег Балтики [Get., 26], причем поместились они все в трех кораблях, на которых, кроме готы, находились еще и родственные им гепиды [Get., 94]. Побережье, где они поселились, получило название Gothiscandza, от которого некоторые исследователи производят название “Гданьск”. Интересно отметить описание Иорданом населения Скандинавии, в основе чего, безусловно, лежат готские предания. Иордан, перечисляя племена Скандинавии, называет тридцать племенных названий [Get., 19-24]. О них он пишет: “Все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью” [Get., 24].

Вспомним, что после миграций VII-VI вв. до н. э., которые привели к возникновению ясторфской и поморской культур, Скандинавия вступила в период сильнейшей депопуляции и регресса. Археологи отмечают, что только к концу I в. до н. э. начинается новый подъем [Монгайт 1974, с.289-290]. Таким образом, плотность населения постепенно выросла, и критический коэффициент снова стал достаточно высок. Отсюда многочисленность племен и их “звериная лютость”. Начинается новая волна расселения германцев. Напомню, что готский язык отделился от скандинавского праязыка, то

есть лингвистические данные подтверждают прибытие готов из Скандинавии. Кстати, эта миграция готов косвенно подтверждает германское происхождение поморской культуры, которая возникла совершенно аналогично вельбарской, то есть готской культуре.

Далее Иордан пишет: “когда там выросло великое множество люда...” (то есть когда заполнился резервуар. – А.А.), пятый по счету (после переселения. – А.А.) король Филимер “постановил, чтобы готы вместе с семьями отправились на поиски удобнейших областей и подходящих мест” [Get., 27]. Далее Иордан сообщает, что готы, отправившись на поиски лучших земель, “... пришли в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум” [Get., 27]. Это название происходит от готского слова *Aujom*, что значит “речная область, изобильная водой” [Иордан, с.188, прим.68]. “Местность эта замкнута, окруженная зыбкими болотами и омутами” [Get., 27]. Нет никакого сомнения, что земля Ойум – это Вольня. Описание этого района полностью соответствует природным условиям Вольни, а пребывание тут готов надежно зафиксировано археологическими источниками. Кроме того, в Ковеле найден наконечник копья с готской рунической надписью, который датируется временем около 230 г. н. э. [Готский язык, с.12].

Далее Иордан сообщает, что, попав в землю Ойум, готы вступают в бой с племенем спалов и побеждают [Get., 27]. “Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях...”. Следовательно, после пребывания в стране Ойум готы движутся на юг, к Черному морю. Находки многих элементов вельбарской культуры подтверждают этот маршрут и пребывание готов в Северном Причерноморье. Кроме того, тут найдены также памятники пшеворской культуры. Следовательно, в степную зону пришли не только готы, но и другие германские (и не

только германские) племена. Археологические данные подтверждаются сведениями Иордана, который, кроме остготов и везготов, называет целый ряд племен, действовавших в Северном Причерноморье: гепиды, тайфалы, герулы, карпы, бораны. Движение этих племен в степи было вызвано резким падением тут критического коэффициента вследствие оседания на землю сарматов. Это редкий случай, когда заполнение образовавшегося в степи вакуума произошло не с востока, а с запада. Причина такого развития событий состояла в стечении определенных обстоятельств. Во-первых, как раз в это время в лесной зоне критический коэффициент стал достаточно высок. Во-вторых, изменилась ситуация в степи. Впервые по прошествии почти трех тысяч лет иранские языки в степи начинают сменяться тюркскими. Следовательно, слишком массовым было оседание ираноязычных племен в этот период, что позволило выйти в степь населению иных регионов.

Несмотря на то, что носители черняховской культуры были в своем большинстве оседлыми, емкость резервуаров в Северо-Западном Причерноморье была очень небольшой. Для сравнения: в Лесостепи в Среднем Поросье одно поселение черняховской культуры приходилось на 12 кв. км., Уманский р-н Черкасской обл. – на 14, районы правобережья Днестра в Черновицкой обл. – на 16, Бердичевский район Житомирской области – на 18, у села Будешты в Молдавии – на 28 [Вінокур, с.39-40; Рикман, с.72-73]. В степных районах: Арцизский р-н Одесской области – одно поселение на 41 кв. км., Саратовский р-н – на 56, Белгород-Днестровский р-н – на 110, Коминтерновский р-н – на 188; Николаевская обл.: Снегиревский р-н – на 100, Жовтневый р-н – на 123, Березанский р-н – на 156, Очаковский р-н – на 300 [Магомедов 1987, с.13]. Кроме того, что поселения в Степи расположены реже, они

еще и мельче: так, крупное для Причерноморья поселение Каменка – Анчекрак занимает площадь 7,5 га, в то время, как в Лесостепи площадь поселений могла доходить до 40 га [Вінокур, с.31; Рикман, с.76-78].

Поселения черняховского населения Степи приурочены к долинам рек, что позволяет предположить, что черняховцы практиковали пойменное земледелие. Хотя в памятниках черняховской культуры найдено наральников больше, чем во всех предшествующих культурах, нет никаких оснований полагать, что черняховцы пахали целинные степные земли, которые в принципе нельзя вспахать наральником, что косвенно подтверждается более низкой плотностью населения в Степи, чем в лесной зоне. Поэтому критический коэффициент в Степи с приходом мигрантов быстро стал высок, и в 230-х годах “скифы”, как собирательно называли население степей античные авторы, переходят Дунай и грабят провинции Мезию и Фракию. С 240-х по 260-е гг. ими были разрушены крымские города и города Северо-Западного Причерноморья – Ольвия, Тира, Херсонес, Неаполь, Танаис и Пантикапей. В это же время продолжались их набеги на Мезию и Фракию, а в 251 г. они взяли и разграбили Филиппополь (современный Пловдив). После захвата Боспора северопричерноморские племена завладели боспорским флотом и начали морские набеги на города Малой Азии и Греции.

Наконец в 270 г. императору Клавдию II удалось разгромить варваров под Наиссой в Мезии. После этого походы “скифов” прекратились, однако Рим потерял часть своих северо-восточных земель, в частности, Дакию (территория современной Румынии). Иордан сообщает, что Дакию заняли гепиды. Разумеется, кроме гепидов, в Дакию поселились и другие племена из Северного Причерноморья. Я уже говорил выше, что на этой территории археологами обнаружены памятники пшеворской культуры. Гепиды же, судя по сообщениям

Иордана, были носителями вельбарской культуры, так как были близкородственны везиготам и остроготам. На близость гепидского языка готскому указывают и лингвисты [Германские и кельтские языки, с.19]. Миграция части населения из Степи должна была понизить тут критический коэффициент.

Именно поэтому с конца III в. н. э. в активности северопричерноморских племен наступает пауза, которая заканчивается примерно в середине IV в. Период новой активизации готов Иордан связывает с готским королем Германарихом. Он, по утверждению Иордана, якобы подчинил себе все племена “Германии и Скифии” [Get., 120], но это, по всей вероятности, стоит в одном ряду с сообщением Иордана о победоносных войнах готов с египетскими фараонами, хотя очевидно, что Германарих действительно вел многочисленные войны.

“Спустя немного времени... взъерилось на готов племя гуннов” [Get., 121]. На основании имен гуннов, которые приводят античные авторы, можно сделать вывод, что гунны были первым тюркоязычным народом, который переселился на запад из азиатских степей. Именно с разгромом гуннами готского племенного союза многие историки связывают исчезновение черняховской культуры. Однако археологи не находят почти никаких следов пришельцев в украинской степи в это время. Обнаружены лишь очень редко встречающиеся захоронения определенного типа, которые считают гуннскими. Следовательно, не было никакого массового нашествия из глубин Азии. Этот вывод подтверждается тем, что античные авторы знали гуннов задолго до событий IV в. Дионисий Периегет [Dion. Perieg., Descriptio orbis, v.730] упомянул “уннов” между Аральским и Каспийским морями, а Птолемей [Ptol., III, 5, 10] “хунов” поместил между роксоланами и бастарнами на Борисфене. Оба эти географа писали во II в. н. э. Иордан, ссылаясь на историка Приска, пишет, что гунны первоначально жили на восточном берегу Азовского моря.

Затем, “увеличившись до размеров племени”, гунны стали нападать на соседей [Get., 123]. Это нужно понимать так: когда плотность населения у гуннов превысила критическую, они начали проявлять военную активность. Сперва гунны разгромили племенной союз аланов [Get., 127], а затем покорили остроготов [Get., 130]. Везиготы, жившие западнее, бежали от гуннов в пределы империи [Get., 133]. Гунны, вместе с большим количеством других причерноморских племен, переселились в венгерские степи. Тут найдено довольно много керамики IV-V вв., подобной черняховской [Седов. Славяне, с.234]. Таким образом, население причерноморских степей в значительной степени мигрировало на запад.

Итак, проанализируем вышеизложенные события с точки зрения предлагаемой модели. Переселение германских племен в Северное Причерноморье подняло тут критический коэффициент. Не только готы, но и многие другие племена начинают проявлять высокую военную активность. Набеги следуют за набегами, и разграблению подвергаются все районы, прилегающие к Северному Причерноморью. Так продолжается примерно 40 лет, до 270-х годов, когда римляне уходят из Дакии и сюда выселяется большое количество выходцев из Причерноморья во главе с гепидами. В результате этого критический коэффициент в причерноморских степях падает. Наступает пауза примерно на полвека или чуть больше. Затем снова за счет роста населения наполняются степные резервуары. Возникает сильный готский союз племен во главе с Германарихом. Готы совершают походы на восток, север и северо-восток. Однако одновременно с этим наполняются и другие резервуары степной агломерации, расположенные восточнее, в междуречье Волги и Дона. Тут возникает гуннский племенной союз, который в длительной войне побеждает аланов и остроготов. То, что гуннский племенной союз вышел в этой

борьбе победителем, не случайно, так как в восточной части степи условий для земледелия было намного меньше, следовательно, критический коэффициент тут был выше. Везиготы мигрируют в пределы империи. Однако гунны (на самом деле различные племена степей между Днестром и Волгой) не остаются в Северном Причерноморье, а мигрируют далее на запад, за Карпаты, в венгерские степи. Их гонит вперед высокий критический коэффициент по обычному маршруту степных племен. Повторяемость событий доказывает, что они не случайны. В центре Европы гунны начинают набеги и грабежи окружающих их оседлых земледельцев, пока не наступает закономерный конец: они переходят к оседлости и быстро растворяются среди своих соседей.

Таким образом, исчезновение черняховской культуры было закономерным. Таков финал всех степных сообществ, кочевых или частично оседлых: чем сильнее и опаснее для соседей они становятся, тем ближе конец их могущества. Критический коэффициент не может расти бесконечно, и люди не могут все время терпеть нечеловеческие условия жизни. Рано или поздно кочевники, после очередного заполнения резервуара, переходят к оседлости и земледелию где-нибудь в лесной зоне по соседству, а степь освобождается для новых племен.

6.5. Пражская культура и ее окружение.

После миграций населения черняховской культуры, которые начали Великое переселение народов, возникает пражская культура, или культура типа Прага – Корчак, названная так по местам первых находок ее памятников (в Праге и бассейне реки Тетерев на Житомирщине). Это первая безусловно славянская культура, потому что ее памятники со временем эволюционируют в славянские культуры, в частности, в культуру Киевской Руси.

Рисунок 18

Возникновение пражской культуры археологи относят к V в. н. э. Она занимала очень обширный ареал: между Припятью и Днестром, по течению Тетерева до Днестра на востоке и до Эльбы на западе, между верхним течением Западного Буга, Вислы и Одера на севере и средним Дунаем на юге. Кроме того, памятники пражской культуры обнаружены вне этого ареала, например, далее на юг к Адриатике. Очевидно, что отдельные очаги пражской культуры фиксируют расселение славян из основного ареала. Характерными чертами пражской культуры были почти квадратные полуземлянки с печкой-каменкой в углу, обряд кремации умерших с захоронением праха в урне или яме, почти всегда без инвентаря, и своеобразная лепная керамика. Совершенно очевидно из археологического материала, что ни одна из культур, бытовавших как на территории пражской культуры, так и в соседних областях, не может быть прямой предшественницей этой культуры.

Для того, чтобы лучше понять, как возникла и развивалась пражская культура, нам необходимо выяснить окружающую обстановку, то есть то, что происходило вокруг ареала пражской культуры. На территории Польши и Восточной Германии процессы были достаточно однозначны. Тут археологами фиксируется убыль населения,

вплоть до полной депопуляции, которая наступила в V в. Сильно уменьшилось также население Степи. Однако в лесной зоне Восточной Европы ситуация была совершенно иная.

Как уже отмечалось выше, в I в. до н. э. началась новая волна переселения зарубинецкого населения из Среднего Поднепровья в лесную зону, на этот раз в бассейн Десны. В культуре юхновских племен Подесенья появляются зарубинецкие элементы, которые к концу века становятся преобладающими. Однако деснянские древности заметно отличаются от собственно зарубинецких, причем настолько, что археологи предложили выделить их в отдельную культуру, названную почепской [Амброз, с.56-69]. Со II-III вв. почепское население проникает из Подесенья в бассейн Верхней Оки и принимает участие в формировании тут мощинской культуры. Оно приносит сюда обычай производить чернолощеную посуду.

Вследствие этого критический коэффициент в Подесенье падает, поэтому под действием первого закона резервуара в ареал зарубинецкой культуры начинаются миграции населения культуры штрихованной керамики. Прежде всего население культуры штрихованной керамики заняло пограничные с зарубинцами районы вдоль течения Днестра

(Абидня, Грини и др.), где формируется культурный комплекс, соединяющий как элементы зарубинецкой культуры, так и культуры штрихованной керамики [Щукин 1994, с.99; Обломский 1991]. Потом начинаются миграции далее на юго-восток. Археологам удалось проследить путь мигрантов. Характерные памятники встречаются на широкой полосе от устья Березины (Абидня) до среднего течения Псла (Вовки), отмечены в устье Припяти (Грини), в Среднем Подесенье (Змеевка, Мена 5) и в устье Трубежа в Среднем Поднепровье (Решетки). Эта полоса как бы разрезает на две части ареал остальных памятников позднезарубинецкой культуры [Щукин 2001, рис.9].

Интересная деталь: население культуры штрихованной керамики на территории Белоруссии не позднее III в. до н. э. начинает строить городища [Митрофанов 1978, с.15]. Согласно предлагаемой методике, это свидетельствует о росте критического коэффициента. Однако со II в. н. э. жители группы Абидня – Грини жили в селищах [Митрофанов, с.57]. Следовательно, критический коэффициент тут упал вследствие миграций.

В результате миграций населения культуры штрихованной керамики на зарубинецкой территории в III в. н. э. формируется киевская культура. Археологи подчеркивают, что различия в типах жилища, керамике, погребальном обряде между памятниками зарубинецкой и киевской культур не позволяют увидеть между ними генетическую прямую связь [Археология УССР, т.3, с.105]. Археологи отмечают также, что "...при окончательном завершении формирования киевской культуры заметную роль сыграли потомки верхнеднепровских зарубинецких племен... Это население, в свою очередь, находилось под некоторым влиянием культуры штрихованной керамики" [Археология УССР, т.3, с.113]. О том, что это было именно так, свидетельствует тот факт, что киевская культура не была простым продолжением и

заключительным этапом зарубинецкой, а возникла и существовала параллельно с ним. Одновременно с ранними памятниками киевского типа (Грини, Казаровичи, Абидня) существовали Лютеж, поздние комплексы Почепа и Чаплина, которые и были последним этапом зарубинецкой культуры [Максимов, с.153].

Переселение зарубинцев на север и частично на Южный Буг привело к почти полной депопуляции Среднего Поднепровья [Максимов, Терпиловский, с.91 и сл.]. На запустевшие территории Среднего Поднепровья переселяются носители киевской культуры. Ареал киевской культуры охватывает Среднее Поднепровье по обоим его берегам до устья Березины, Среднее и Нижнее Подесенье, весь бассейн Сейма, на юге простирается вплоть до устья Роси и среднего течения Псла и Сулы [Терпиловский, Абашина 1992; Терпиловский 1994, с.75], а на востоке достигает Курска, верховьев Северского Донца и даже Дона.

В Среднем Поднепровье ареалы киевской и черняховской культур накладываются. Не совсем понятно, жили ли носители этих культур тут чересполосно или черняховцы сменили носителей киевской культуры. В частности, на поселении Глеваха под Киевом слой киевской культуры перекрыт черняховским: первые, вероятно, были вытеснены вторыми. Наблюдается и общий процесс некоторого сдвига населения в северном направлении [Терпиловский 1989]. После массовых миграций из степей носителей черняховской культуры на запад в IV-V вв. население киевской культуры начинает активно заселять опустевшие земли в Среднем Поднепровье [Обломский 1996].

В результате расселения потомки киевской культуры разделились на пеньковскую в Среднем Поднепровье и колочинскую на основной территории киевской культуры. У исследователей, специально занимающихся изучением древностей Днепровского Левобережья, нет

особых сомнений, что и колочинская, и пеньковская культуры сложились на базе разных групп предшествующей киевской культуры [Горюнов 1981; Терпиловский 1984; Терпиловский, Абашина 1992; Обломский 1991; Обломский, Терпиловский 1991; Терпиловский 1994]. Сходство памятников столь велико, что не всегда бывает понятно, к какой именно культуре относить то или иное поселение: к киевской или уже к колочинской или пеньковской [Терпиловский 1984, с.75-83; Горюнов 1981, с.22, 42, 43; Приходнюк 1988]. Высказывались даже предложения вообще отказаться от термина “киевская культура” и ранние памятники тоже считать пеньковскими [Приходнюк 1988].

Вероятно, очень рано носители пеньковской культуры из Среднего Поднепровья начинают расселяться на юго-запад. Памятники пеньковской культуры найдены в пределах полосы, протянувшейся от левобережья Днепра через бассейны Роси и Тясмина, верхнее течение Южного Буга до Нижнего Дуная и Молдавии. Памятники, содержащие элементы только собственно пеньковской культуры, найдены в Среднем Поднепровье, в Подонье и Побужье. В Приднестровье и Молдавии найдены только смешанные памятники с пеньковскими элементами [Русанова, с.98].

Рассмотрим теперь события, происходившие в лесной зоне Восточной Европы. Тут, как мы уже говорили выше, в верхнем течении Днепра и Западной Двины еще с VII в. до н. э. существовала днепродвинская культура, на территории Белоруссии и Восточной Прибалтики с конца II тыс. до н. э. – культура штрихованной керамики. С течением времени возникли локальные варианты этой культуры. На территории Восточной Пруссии (Калининградская обл. России и прилегающие районы Польши и Литвы) возникла культура западнобалтийских курганов, для которой был характерен обряд трупосожжения с захоронением праха в небольших курганах, сложенных из камней.

На территории Белоруссии и восточной части Литвы сложился белорусский вариант штрихованной керамики, похоронный обряд которого археологически не фиксируется. На территории Латвии и северной части Литвы сложился латышский вариант культуры штрихованной керамики, население которого практиковало обряд трупоположения.

Для всей общности культур штрихованной керамики характерно использование камня в погребальной обрядности. Как трупоположения, так и трупосожжения тут обкладывались камнями. На территории Латвии в I в. н. э. возник обычай обкладывать трупоположения венцом из крупных камней. Внутри этого венца захоронения делались неоднократно, так что постепенно формировался курган, охваченный каменным венцом [Финно-угры и балты, с.372].

На территории Эстонии и южнее в прибрежной части Латвии до Даугавы (историческая Ливония), а также в северной части полуострова Курземе остатки трупосожжений ссыпали внутрь оградок, сложенных из крупных валунов или плитнякового камня. К старым оградкам пристраивались новые, так что формировался большой могильник [Финно-угры и балты, с.17].

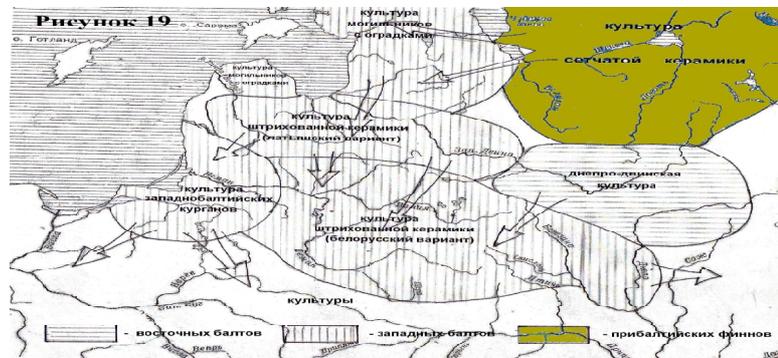
В результате миграций населения белорусского варианта культуры штрихованной керамики на восток, на опустевшую территорию зарубинецкой культуры, о чем речь шла выше, начинаются вторичные миграции соседних культур. Юго-западную часть территории белорусского варианта культуры штрихованной керамики занимают племена культуры западнобалтийских курганов, для которых были характерны кремация умерших и захоронения в небольших курганах, сложенных из камней. С севера на территорию белорусского варианта культуры штрихованной керамики, главным образом в Восточную Литву, мигрирует

население латышского варианта штрихованной керамики. Оно приносит с собой обычай хоронить умерших в курганах с каменным венцом, вследствие чего на данной территории в VI в. возникает культура восточнолитовских курганов [Тауавичюс 1959, с.12-153]. Исследователи выражают уверенность, что этот погребальный обряд на восток Литвы был принесен с северо-запада, с территории Латвии и северной Литвы [Тауавичюс 1980, с.82]. Восточную часть опустевшей территории белорусского варианта культуры штрихованной керамики занимает население днепро-двинской культуры. В результате в V в. н. э. тут формируется новая культура типа Банцеровщина – Тушемля.

Археологические материалы свидетельствуют, что в начальный период существования тушемлинской культуры существовала ее полная преемственность с днепро-двинской культурой [Седов 1970, с.25-30]. Имеется преемственность между этими культурами в домостроительстве, керамике, типах серпов, пряслиц и т. д. [Седов 1970, с.39]. "...культура типа Тушемля – Банцеровщина занимает целиком территорию расселения днепро-двинских племен, причем северо-западные, северо-восточные и юго-восточные границы их ареалов почти совпадают. Только на юго-западе ареал тушемлинско-банцеровских древностей значительно выходит за пределы территории днепро-двинской культуры,

охватывая в верховьях Березины, Вилии и северной части Припятского бассейна значительную часть территории, занятой в раннем железном веке племенами культуры штрихованной керамики" [там же]. Культура штрихованной керамики в восточной части ее ареала была сменена культурой типа Тушемля – Банцеровщина постепенно. Период IV – V вв. был переходным, когда наряду со штрихованной посудой, процент которой постепенно уменьшался, получили распространение гладкостенные сосуды – прототипы тушемлинских, которые постепенно стали господствующими [Митрофанов 1972, с.155-162].

Еще одним направлением миграций населения лесной зоны Восточной Европы стало западное. После ухода носителей вельбарской культуры в V в. н. э. на опустевшие земли Северной Польши начинаются миграции населения Восточной Прибалтики. Эти миграции достигли нижнего течения Вислы на западе и Мазурии на юге [Кулаков, с.45-46; Кухаренко 1969, с.119]. Вследствие этих миграций население Восточной Пруссии сильно убыло. Исследователи отмечают, что из известных в более раннее время 108 могильников в VI-VIII вв. захоронения совершались только на 25 [Финно-угры и балты, с.400]. К этому времени на территории Восточной Пруссии господствовал обряд трупосожжения, поэтому миграции сюда хорошо фиксируются появлением тут в IV

в. труположений, доля которых возрастает к V в. [Кулаков, с.19-20]. Очевидно, что эти

Рисунок 19

миграции были с территории латышского варианта культуры штрихованной керамики, где господствовал обряд труположения.

Отток населения с территории Восточной Латвии на территорию Восточной Литвы, о чем речь шла выше, позволил мигрировать сюда населению тушемлинской культуры. Эти миграции прослеживаются появлением на территории Латвии захоронений в грунтовых могилах по обряду трупосожжения, характерному для тушемлинской культуры. В целом все же обряд труположения остался доминирующим, но, начиная с VI в., население Восточной Латвии все чаще хоронит умерших в грунтовых могилах, а не в курганах с каменным венцом, как было раньше [Финно-угры и балты, с.359-360], что соответствует дестратификации общества вследствие падения критического коэффициента.

С середины I тыс. н. э. строительство могильников с оградками на территории Эстонии и Ливонии прекращается, хотя остатки трупосожжений по-прежнему ссыпались в старые могильники. Лишь иногда к могильникам пристраивались новые каменные кладки, однако теперь камни кладут бессистемно, а остатки

трупосожжений ссыпают на них [Финно-угры и балты, с.17].

Изменения в погребальном обряде позволяют предположить, что с V в. на территорию Эстонии имели место миграции извне. Часть более раннего населения, входившего в общность культур штрихованной керамики, в результате вторичных миграций ушло на юг, а на его место пришло новое население, скорее всего, с востока, с территории культуры сетчатой керамики бассейна озера Ильмень, для которого также был характерен обряд трупосожжения. Именно с середины I тыс. н. э. культура сетчатой керамики исчезает, а в ее ареале возникает культура длинных курганов [Седов 2002, с.365].

С самого конца VI – начала VII вв. [Grebe, s.167-189] на территории Восточной Германии и Польши, севернее ареала пражской культуры, возникает суковско-дзедзицкая культура. Памятники этой культуры охватывают почти целиком бассейн Одера, кроме верховьев, обнаружены в среднем течении Вислы и особенно многочисленны в междуречье нижнего течения Одера и Эльбы, вплоть до Дании.

Небольшое их количество найдено и на левом берегу Эльбы. Особенности домостроения, погребальный обряд и

керамика суковско-дзедзицкой культуры сильно отличаются от тех, которые

Рисунок 20

были свойственны пражской культуре.

При этом керамика суковско-дзедзицкой культуры имеет черты сходства с керамикой восточных регионов. Для нее характерны округлобокие сосуды с широким дном, сосуды с раздутым, почти биконическим туловом, типичные для западнобалтийских культур с римского времени и до VI-VII вв. [Русанова, с.177]. Тут найдены также украшения определенных типов (спиральки, привески, браслеты), которые имеют аналогии в культурах лесной зоны Восточной Европы. Некоторые элементы суковско-дзедзицкой культуры, например, слабопрофилированные тюльпановидные горшки, биконические сосуды, имеют несомненные аналогии в тушемлинской культуре [Szymanski, рис.11, с.28, рис.19, с.22].

Таким образом, если миграции из Восточной Прибалтики в V в. дошли до нижнего течения Вислы, то в VI-VII вв. миграции отсюда доходят до левобережья Эльбы и Дании. Выше я уже отмечал, что тушемлинское население с VI в. мигрировало на территорию Восточной Латвии. Примерно с этого же времени, а возможно, и несколько позже тушемлинское население проникает на восток Литвы. Уже с середины I тыс. н. э. в Литве начинает распространяться обряд трупосожжения, характерный для тушемлинской культуры, а в VII-VIII вв. этот обряд становится господствующим в Центральной и Восточной Литве. На западе Литвы, на землях племенного союза жемайтов, обряд трупоположения преобладал дольше, до начала II тыс. н. э., после чего население тут полностью переходит к кремации умерших [Куликаускане, с.63]. В это же время обряд кремации становится господствующим и северо-западнее, на полуострове Курземе [Финно-угры и балты, с.405-406].

Носители тушемлинской культуры мигрировали также на север. Как я уже

отмечал выше, тут до VI в. существовала культура сетчатой керамики, часть носителей которой, в соответствии с первым законом резервуара, переселилась в Прибалтику. Вследствие этого падает критический коэффициент в псковско-новгородском регионе, и тушемлинские племена, чья территория непосредственно примыкала к этому региону с юга, его заселяют. Меньшая часть керамики культуры длинных курганов восходит к культуре населения культуры сетчатой керамики, другая ее часть сопоставима с керамикой тушемлинской культуры и вместе с тем – с керамикой суковско-дзедзицкой культуры [Седов 2002, с.365].

Теперь попробуем сопоставить картину событий, которую нам рисуют археологические источники, с данными лингвистики и письменных источников. В Латвии, кроме латгалов, занимавших восток Латвии и говоривших на пралатышском языке, письменные источники зафиксировали земгалов, куршей и селов, например, “река селов” показана на Певтингеровой карте конца III – начала IV вв. н. э. [Археология СССР. Финно-угры..., с.365]. В это время на территории Восточной Прибалтики существовали только варианты культуры штрихованной керамики. Археологи считают культуру средневековых земгалов прямым потомком культуры штрихованной керамики [Атгазис, с.58]. Очень похожей на культуру земгалов была также культура населения Западной Литвы, где впоследствии возник племенной союз жемайтов [Атгазис, с.97]. Между нижним течением Вислы и Немана источники IX в. впервые фиксируют пруссов [Финно-угры и балты, с.398]. О ятвях под 983 г. сообщает древнерусская летопись [ПВЛ, I 1950, с.103], а на основании гидронимов и специфических каменно-земляных курганов их территория определяется Западной Белоруссией, Северо-Восточной Польшей и Юго-Западной Литвой [Седов 1964, с.36-51].

Лингвистические данные также свидетельствуют о том, что “на западных и

северо-западных границах своей территории литовско-латышский, после того, как он распался (V-VII вв. н. э.), стал постепенно расширять свои границы за счет соседних западно-балтийских периферийных говоров, прежде всего селонских, земгальских и куршских” [Мажюлис 1981, с.103].

Следовательно, лингвисты считают, что селоны, земгалы и селы были западными балтами. Нет никакого сомнения в том, что язык пруссов и родственных им ятвягов был западнобалтийским. Но культура всех этих народов археологически восходит к общности культур штрихованной керамики.

Далее, распад восточнобалтийского языка лингвисты датируют V-VII вв. н. э., что соответствует миграциям тушемлинского населения на территорию Литвы и Латвии. Западно-балтийское

– показал их сходство с аналогичными предметами, с одной стороны, днепровской культуры, а с другой – раннесредневековых древностей Литвы и Латвии. При этом для последующих достоверно славянских памятников подобные типы предметов не характерны [Перхавко, с.40-55].

Вероятно, миграции западных балтов с территории Литвы на запад были значительно более массивными, чем с территории Латвии, так как на территории Латвии западные балты (племена земгалов, куршей и селов) уцелели вплоть до XIII в., поэтому латышский народ сложился значительно позже литовского, лишь в XVI-XVII вв. [Мугуревич, Тауаевичус, с.9], когда полностью завершились процессы ассимиляции.

население, племена земгалов и селов сохранились в поречье Западной Двины, в результате чего носители будущего литовского языка оказались отделены от носителей будущего латышского языка. Кроме того, археологи отмечают, что анализ предметов материальной культуры тушемлинского типа – украшений, наконечников копий, топоров, серпов и т. д.

Рисунок 21

В этой связи представляет интерес появление прибалтийских финнов – эстонцев в Эстонии и ливов в Латвии. Распад прибалтийско-финского языка, по мнению лингвистов, произошел приблизительно в VIII в. [Бубрих]. Несколько раньше этого времени начинаются изменения в погребальном обряде населения территории

Эстонии и Ливонии, о чем речь шла выше. Примерно в это же время исчезает культура сетчатой керамики бассейна озера Ильмень, что дает основания предполагать миграцию населения этой культуры в Прибалтику. Культура сетчатой керамики ильменского бассейна относилась к общности культур текстильной керамики, к которой достоверно восходят культуры исторических финно-угров. Следовательно, в VI-VII вв. какие-то племена финнов переселились на территорию Эстонии и Ливонии, что совпадает с распадом прибалтийско-финского языка. Очевидно, что этими мигрантами были предки эстонцев и ливов, а бассейн озера Ильмень – районом существования прибалтийско-финского языка, что подтверждается обнаружением тут соответствующих гидронимов [Седов 1982, с.46-66].

Интересно, что о племенах эстиев, собирающих на Балтике янтарь, сообщает Тацит [Get., 45], а Иордан пишет, что айсты (эсты) живут за устьем Вислы и держат берег Океана (Балтийского моря) [Get., 36]. Южнее их живут акациры [Get., 36]. Очевидно из контекста, что Иордан не мог иметь в виду население Эстонии. Скорее всего, он имел в виду какое-то балтийское население восточнее Вислы. Однако и в этом случае непонятно, при чем тут акациры, которые, без сомнения, были кочевым степным племенем, о чем пишет сам Иордан [там же]. Любой район Прибалтики отделен от зоны степей многими сотнями километров. Объяснить этот фрагмент “Гетики” можно только тем, что эсты – общее название племен культуры штрихованной керамики, то есть западных балтов. Ведь, как мы видели выше, носители культуры штрихованной керамики мигрировали на левобережье бассейна Верхнего Днепра, где образовали киевскую, а затем колочинскую культуры. Обе эти культуры на юго-востоке граничили со степным миром. Следовательно, вероятно, что этноним “эсты” был общим для западных балтов – носителей культуры штрихованной керамики (или какой-то их части).

Самоназванием современных эстонцев он стал лишь в XVIII в., во время национального возрождения, когда самоназвание “маархвас” (люди земли, крестьяне) было заменено известным из античных авторов – “эсты”.

Расселение западных балтов на левобережье Верхнего Днепра хорошо фиксируется большим количеством западнобалтийских гидронимов на левобережье лесной зоны днепровского бассейна и на Верхней Оке, то есть в местах, где жило и куда расселялось население киевской культуры [Топоров 1981, с.13-18]. На Верхней Оке западнобалтийское население просуществовало до XII-XIII вв. Летописи сообщают под 1147 г. о голяди на р. Протве, притоке Оки [ПСРЛ 1962, с.339], а под 1248 г. – о литве на Протве [ПСРЛ 1925, с.38]. Этноним “голядь” соответствует галиндам Пруссии. Интересно, что лингвисты находят “соответствия между галиндо-прусской и верхнеднепровско-окской (“голядской”) гидронимией” [Топоров 1981, с.114]. О колдах и голдоскифах в Восточной Европе сообщает Иордан [Get., 117]. В этот период район Верхней Оки занимало население мощинской культуры, возникновение которой археологи относят к рубежу III и IV вв. [Седов 1982, с.41-45]. Исчезает мощинская культура в VIII в., когда в бассейне Оки начинают расселяться славяне.

Проникновение западных балтов на Верхнюю Оку, видимо, связано с миграциями сюда во II-III вв. населения из Подесенья. Первоначально это было позднезарубинецкое, почепское население, но вслед за ним пришло население формирующейся киевской культуры, о чем свидетельствуют черты определенного сходства керамического комплекса мощинской и ранней киевской культур.

Еще с конца I тыс. до н. э. балты начинают заселять также юго-западную часть Волго-Окского междуречья, после того, как отсюда ушли на запад носители будущих прибалтийско-финских языков. Вследствие

этого в Волго-Окском междуречье исчезает характерная для финнов текстильная керамика, длинные многокамерные дома, но появляются лощеная керамика, небольшие наземные квадратные дома, бронзовые украшения с выемчатой эмалью, то есть формируется культура москворецких городищ. Все эти элементы культуры были характерны для других балтских культур. Присутствие балтов в Волго-Окском междуречье подтверждается обнаруженными тут балтийскими гидронимами [Топоров 1981].

Ареал расселения балтов в древности нашел свое отражение в распространении балтийских гидронимов. Балтийские гидронимы охватывают огромную территорию: на севере – верховья Лопати, междуречье Волги и Оки, на северо-востоке – бассейн верхней Оки, на востоке – бассейн Сейма, на юге – от Сейма на правобережье Днепра по южной границе Полесья до низовьев Вислы [Топоров, Трубачев] на территории Польши и западнее, на левом берегу Одера [Проблемы этнической истории, с.8]. Кроме того, балтийские названия встречаются и вне этого основного ареала: в бассейне Роси и в верховьях Южного Буга [Петров 1972, с.99 и сл.].

Если наличие балтийских гидронимов в лесной зоне Восточной Европы соответствует ареалам культур штрихованной керамики, днепро-двинской, киевской, мощинской, то балтийские гидронимы в бассейне Вислы и Одера могут быть объяснены только миграциями балтов на запад в V-VI вв. и возникновением тут суковско-дзедзицкой культуры. Интересно, что в кашубском языке, распространенном на севере Польши в ареале суковско-дзедзицкой культуры, обнаружено большое количество заимствований из западнобалтийских языков [Kasubszczyzna, s.36 fl]. Следовательно, кашубы – это остатки славянизированного западнобалтийского населения, потомки носителей суковско-дзедзицкой культуры. Распространение балтийских гидронимов в бассейне Роси и

Южного Буга соответствует ареалу пенковской культуры.

Таким образом, есть достаточные основания считать, что население культуры штрихованной керамики было западными балтами. В этом случае население тушемлинской культуры было восточными балтами. Однако тушемлинская культура, как говорилось выше, восходит к днепро-двинской культуре, а эта последняя – к лебедовской, сосницкой и, в конечном счете, к тшинецкой. Но и культура штрихованной керамики также восходит к тшинецкой культуре. Следовательно, население тшинецкой культуры говорило на общебалтийском языке, и разделение балтов на западных и восточных произошло в результате обхода бассейна Припяти носителями тшинецкой культуры соответственно с запада и востока. Время разделения тшинецкой культуры на западную и восточную соответствует времени разделения западно- и восточнобалтийских языков, то есть концу II тыс. до н. э. В этой связи вспомним тесную связь тшинецкой культуры с комаровской, белогрудовской и чернолесской культурами, население которых, вероятно, говорило на фракийских языках. А ведь именно с фракийскими языками имели когда-то контакты балтийские языки.

История расселения балтов важна для нашего исследования потому, что балтийские языки являются наиболее близкими славянским, и пытаются реконструировать раннюю историю славян, не восстановив раннюю историю балтов, невозможно.

Кроме балтийских, в бассейне Верхнего Днепра имеются иранские гидронимы. Они обнаружены в бассейне Десны, особенно много их на Сейме. Три иранских гидронима обнаружены также в северной части днепровского бассейна [Топоров, Трубачев, карта 2]. Если иранские гидронимы на Нижней и Средней Десне и Сейме можно объяснить присутствием тут носителей последующих, связанных со степью культур,

а если говорить конкретно, волынцевской культуры (о ней речь пойдет ниже), то отдельные иранские гидронимы, найденные за пределами ареала этой культуры, например, в верховьях Десны и Сожа, могут быть следами пребывания тут только носителей зарубинецкой культуры. Во всяком случае, следов других предположительно ираноязычных культур в этих местах не обнаружено, в то время, как миграция именно зарубинецкого населения сюда прослеживается археологически.

Только с миграциями зарубинецкого населения в лесную зону Восточной Европы могут быть связаны иранские заимствования в восточнобалтийских языках. Никакая другая ираноязычная культура не может рассматриваться как донор этих заимствований. Эти данные, совместно с данными археологии, позволяют утверждать, что зарубинецкая культура была ираноязычной. Таким образом, есть достаточные основания полагать, что мигрантов с северо-запада было недостаточно для ассимиляции лесостепной скифской культуры, и возникшая на этой основе зарубинецкая культура сохранила скифский язык, принадлежавший к индоиранским языкам.

Кроме балтийских и иранских гидронимов, в бассейне Верхнего Днепра имеются также финские гидронимы на севере и в бассейне Сейма и южнее его [Топоров, Трубачев, карта 2]. Наличие финских гидронимов так далеко на юге может быть объяснено только тем, что юхновская культура была финноязычной, поскольку прослеживаются связи юхновской культуры с несомненно финской дьяковской культурой, о чем речь шла выше.

Славянские гидронимы на данной территории, как установили лингвисты, относятся к восточнославянскому типу [Русанова, с.63], следовательно, славяне пришли сюда после распада общеславянского языка и формирования восточнославянского языка, то есть не ранее VIII в. Следовательно, в лесной зоне Восточной Европы севернее линии Припять – Сейм славяне не могли сформироваться как языковая общность. Вместе с тем, сильные языковые связи славян и балтов предполагают длительное нахождение славян рядом с этой зоной.